

металлических дверей — даже не понимая поначалу, как и из чего они делаются; зарплата тоже небольшая, но подспорье, и я очень хочу выжать максимум из моего состояния.

Не понимаю, зачем, но ведь Бог для чего-то же дал мне эту вторую жизнь.

Именно эта мысль укрепляет и радость, что не пострадала в той аварии сестра и муж, и сын остался дома. Очень во многом помог мне спорт, вернее, инваспорт — не только тренировками и соревнованиями, встречами и знакомствами с разными и необычными людьми, но и путешествиями в разные города. На коляске и по городу не всегда проедешь беспрепятственно, а мы ездим и на поездах, и на автобусах и машинах, показывая всем окружающим и, конечно, себе, что есть жизнь на коляске, да ещё какая, если только ты не отчаялся, а хочешь жить, веришь в лучшее.

В 2004 году по семейным обстоятельствам я прекратила заниматься инваспортом и вернулась в своё село под Козельском. Мой второй брак всё-таки распался. Муж очень помог мне: и ухаживал все семь лет за мной, парализованной, и всегда говорил, что ему неважно, хожу я или нет, что любит меня, — но у меня тяжёлый характер, я не верила его словам, а значит, была плохой женой.

* * *

На старенькую машину с автоматической коробкой передач, купленную от продажи бабушкиного дома, мы поставили ручное управление и я, спустя семь лет после аварии, в 2006 году, села за руль.

После развода отправилась в козельский таксопарк устраиваться диспетчером. Однако, увидев, сколько там ступенек перед входом, а меня на коляске придётся туда заносить, замыкалась... И пошутила: «Вот бы меня водителем взяли!». Пошутила, как оказалось, удачно. Вскоре стала работать водителем такси.

Машина, запчасти, ремонт, печка в частном домике, дрова, сын-школьник. Мытьё полов и уборка на мне — нужны физические упражнения, чтобы не ослабли руки и были силы пересаживать себя с кровати на коляску, с коляски в машину. Я стираю — сын полощет и развешивает бельё, — мы на подхватываем друг друга. Залить машинное масло, тосол, омывающую жидкость — это уже он. Мытьё машины нравилось больше мне, но он всегда помогал. Это был трудный, но интересный период в жизни! Ранний подъём, потому что перед тем как сесть за руль, мне надо не только проверить уровень масла, тосола, тормозной жидкости и ещё чего-нибудь, но в первую очередь, привести в порядок себя, что не так быстро, когда парализована половина тела.

«Отче наш» — единственная молитва, которую я знала тогда и постоянно про себя проговаривала, шептала. Чем длиннее дорога, тем чаще; чем тяжелее в быту, — Господи, помоги, пожалуйста... И утром тоже шепчу про себя, шепчу...

Чтобы просто сесть на кровати (из-за болей в повреждённой спине это не всегда легко), умыться в принесённом мне сыном тазике, перевязать вечно повреждённые пятки (пролежни), по очереди поднимая руками ноги, надеть носки, ворочаясь на боках, натянуть, наконец-то, брюки. Пересестись на коляску. Таким же способом, как и носки, поднимая по очереди ноги, надеть обувь. Затем верхнюю одежду, а кофе с бутербродом — уже сидя в прогревающейся машине, т.к. пора выезжать на смену.

Сутки через сутки, чтобы заработать на еду, на жизнь, на запчасти. Зимой всегда сложней — машину за ночь замёрзнет, или мороз прихватит, но с Божьей помощью (это я позже стала понимать, с Чьей помощью), потихоньку начинался благополучно каждый день, продолжался, и я всегда возвращалась домой к сыну, к ждущей на улице коляске, к кошке Марусе, встречавшей меня ещё за сто метров от дома.

* * *

У меня появились постоянные клиенты, которые вызывали только мою машину, многим нравилось, что я аккуратный водитель. Кому-то нравилось, что за рулём именно женщина.

Бывали и грубости:

— О, меня сейчас баба повезёт! Ха-ха!

Я молча, ещё спокойней чем обычно, но чётко и, по ситуации на дороге, быстро продавцов, так как я на коляске и не смогла бы торговать сама (хотя несколько раз из-за проблем с работниками приходилось и мне). Больше нравилось управлять машиной, то есть работать в такси. Потому что за счёт машины я тоже, как и в плавании, получала движение — да, другое, но я двигалась! Это может понять до конца только парализованный человек или человек, представивший себя таким: что такое плавать, что такое движение по дороге в машине пассажиром или водителем (!). Это ещё и независимость — «отвезите-привезите». Сын в это время учился в радиотехническом техникуме недалеко от дома и раз в неделю приезжал ко мне.

И в этот период, когда, казалось, жизнь начала как-то входить в свою колею, в 2012 году я получила новую серьёзную травму: желая помочь, переносила меня из машины в коляску, человек поскользнулся и рухнул на бетон. В итоге — открытый перелом голени, гипс от пальцев до колена и поначалу не замеченный перелом бедра.

И в этот период, когда, казалось, жизнь начала как-то входить в свою колею, в 2012 году я получила новую серьёзную травму: желая помочь, переносила меня из машины в коляску, человек поскользнулся и рухнул на бетон. В итоге — открытый перелом голени, гипс от пальцев до колена и поначалу не замеченный перелом бедра.

* * *

Возвращаясь с суточной смены, покупала продукты, а готовить уже учился сын. Несколько раз ездили с ним на Чёрное море — я плавала, моему парализованному телу очень полезно. И большой опыт получила как водитель — проехать столько километров: первый раз мы ехали до Джубги ровно сутки, второй раз — 18 часов, стала уверенней.

Плавание много даёт и в эмоциональном плане, и в физическом — ты почти недвижим, полтела парализовано, и вдруг — плывёшь, ныряешь, перемещаешься в воде! Ведь на коляске ты только крутишь колёса или рулишь в машине, напрягая, конечно, мозг и руки, потом пересаживаешь за счёт рук своё тело...

А тут — ты плывёшь! Это очень много: в воде можно делать разные движения, за счёт бёдер двигаются парализованные ноги, ныряешь, кувыркаешься, включаются в работу те мышцы, которые в обычной жизни не работают. И можно наконец-то расслабить руки — просто лечь на спину и балансировать на воде. Плавание укрепляет во всех отношениях. А ощущение невесомости... Жизнь продолжается в каждой секунде! Есть огромное желание жить и любить.

Каждый год ездим на машине навестить мою маму в Белоруссию, — «дорога, дорога, ты знаешь так много»...

Коляска — это не конец! Инвалидность — это возможность реализовать то, что ты никогда не сделал бы или не сказал, не узнал бы лучше этот мир, себя, других людей — ближних...

Возможно, я так и не пришла бы к Богу! Всё это для чего-то надо — не знаю ещё для чего. Но знаю точно, что Бог знает!

* * *

— Наташенька, ну пойдём, ты обещала, что исповедуешься и причаститься со мной, — всегда мягкий голос сестры.

— А когда?

— Коляска твою мы уже в Оптину взяли, так что её нет около дома, приезжай сразу после смены.

Разворачиваюсь.

Первая исповедь. В тот момент мне виделось, что это Господь на меня так с любовью смотрит, а не батюшка... Первое причастие. Я так долго к этому шла, столько мусора в голове было. С «Отче наш» и жила, и за рулём ездила.

А мой батюшка стал мне настоящим отцом. Не имея возможности долгое время видеться, мы вели переписку, делилась с ним своей болью, волнениями, открытиями. Перечитывала его ответы, старалась впитать каждое слово, осмыслить. Читала передаваемые им книги святых отцов, пересматривала его фильмы и отдавала другим людям. Господь через отца А. спасает и продолжает спасать меня, непутёвую! Низкий ему поклон и многая лета!

* * *

В селе, где мы с сыном жили, я купила торговую палатку и на три года стала

предпринимателем — хозяйкой маленькой торговой точки. Мне нравилось заниматься этим, организовывать труд продавцов, так как я на коляске и не смогла бы торговать сама (хотя несколько раз из-за проблем с работниками приходилось и мне). Больше нравилось управлять машиной, то есть работать в такси. Потому что за счёт машины я тоже, как и в плавании, получала движение — да, другое, но я двигалась! Это может понять до конца только парализованный человек или человек, представивший себя таким: что такое плавать, что такое движение по дороге в машине пассажиром или водителем (!). Это ещё и независимость — «отвезите-привезите». Сын в это время учился в радиотехническом техникуме недалеко от дома и раз в неделю приезжал ко мне.

И в этот период, когда, казалось, жизнь начала как-то входить в свою колею, в 2012 году я получила новую серьёзную травму: желая помочь, переносила меня из машины в коляску, человек поскользнулся и рухнул на бетон. В итоге — открытый перелом голени, гипс от пальцев до колена и поначалу не замеченный перелом бедра.

* * *

В 2012 году в козельской реанимации я находилась неделю, до 7 марта, пролежав перед этим февраль в хирургии, декабрь-январь дома в гипсе на правой голени. В отделении хирургии сняли гипс. Перелом ноги зажил, но не спадавшая высокая температура, плохие анализы, слабость — всё указывало на скрытый воспалительный процесс. Хорошо помню утро 29 февраля, когда, лёжа под капельницей в палате отделения гнойной хирургии, почувствовала себя плохо... Острая нехватка воздуха... Закричала, позвала на помощь, попросила открыть окно и отключить капельницу, я задыхалась.

Лысая голова заведующего реанимацией и его чёткий голос: «Быстро наверх!».

Вот несут меня санитарки на второй этаж на носилках. Страх от того, что уронят и что я задыхаюсь... Шепчу: «Быстрее!». Принесли, переложили, в глазах темно, воздуха нет, мозг борется и вслух просит подушку под голову и подышать кислородом. Потом опять лысая голова главного, выдёргивает подушку: «Это моя реанимация, не командуй тут! Слушай меня и всё будет хорошо, слышишь?». Слышу, но задыхаюсь... Господи, сделай что-нибудь! «Уколы вот сюда, — жмёт ниже ключицы, — не бойся, потерпи!». Очень больно, но слушаюсь, не дёрнулась, — он сказал, что всё будет хорошо. «Молодец, следи за моим счётём, раааз, два, три». И всё, провал. Темнота.

Ожог

Всплывало детство:

— Бабуля, а почему у наших курочек нет детей?

— Потому, Натюля, что они ленивые, не хотят высидеть яйца, а цыпляткам тепло надо, чтобы родиться.

— А сколько их высидеть надо?

— Да как получится, то неделю, то две — чем теплей, тем быстрее цыплятки и появятся, — отвечала бабуля, разбивая яйца для омлета...

* * *

В голове хаос. Громкий писк где-то наверху отбивал ритм вместе с болью в голове. Почему-то темно и холодно. Хотелось пить, сглотнуть слюну и понять, кто я, где, зачем?.. И почему эти трубки, которые мешали сглотнуть и сделать глубокий вдох, идут изо рта. Потрогать бы их, снять, но привязаны руки. Пальцы нащупали хвостик верёвки, скреплявшей запястье, мозг без эмоций выдал ответ бегущей строкой, написанной крупными яркими буквами, — это бинт, потому что ты в больнице, здесь везде бинт. Это открытие взволновало, сердцебиение участилось, дышать стало труднее. Вместо «помогите!» из гортани вырвался какой-то хрип. «Я в реанимации, — промелькнула мысль. — Где люди?». Руки оказались привязанными к железной трубе, и я начала вырываться, громко стуча. Ритмичный писк над голо-

вой стал громче, и впереди в полумраке показались фигуры.

— Смотрите, она очнулась, — сказал женский голос.

— И что мы тут хулиганим? — как-то устало спросил мужской.

Три фигуры казались мутными, без чётких границ, но уже успокоили своим присутствием. «Вицин, Никулин, Моргунов», — быстро выдал мозг вторую бегущую строку, глядя на очертания людей.

Моргунов из «Кавказской пленницы» заговорил голосом знакомого доктора:

— Ну, не буянь, не буянь. Что трубочки мешаются, знаю, вот будешь хорошо себя вести, завтра и снимем. Тебе сейчас просто дышать надо и не мешать нам помогать тебе. Ты поняла меня?

Подобие кивка в ответ. Медсестра, в образе Вицина, бесшумно скользила рядом, выполняя указания врача, которых уже не слышать. Тело начало терять вес, обмякло, подступала тошнота, головокружение. Мозг выдал третью строку: «Спать, не мешать. Я обязательно всё пойму завтра...». И уже потом, совсем в тумане, на грани сознания: «А где же сегодня, почему ночь, что произошло?».

Потом мне разъяснили: был септический шок вследствие сепсиса, и клиническая смерть. Так Господь вернул меня ещё раз.

* * *

— Бабушкааа! Можно я ящик возьму? Вот этот, от посылки?

— Бери, а тебе на что он?

— Я сегодня ночью придумала, что надо спасать цыплят.

— Это как так-то?

— Вот соберу сейчас яйца у этих ленивых кур и буду греть их теплом своего тела, — я положила в старый посылочный ящик сена, куриные яйца и села сверху...

* * *

Трубочки ИВЛ действительно сняли на вторые сутки. На третьи я поняла, что вообще произошло — я выжила.

— Ты теперь всё выдержишь, раз такое пережила, — подбадривала реанимационная медсестра.

Эта фраза актуальна до сих пор, особенно при обострениях. Но дышать стало легко — давали кислород, всегда хотелось спать, а вот когда снимали маску, начинали «приставать»: «Наташа, опять не хочешь дышать — опять трубочки поставим. Ну-ка, давай, два раза вдох глубокий, так, молодец, и три коротких».

Я же дышу, почему они дергают меня, — думала я, не понимая, что ни лёгкие, ни сердце — ничто во мне не боролось, всё хотело заснуть и не проснуться, один воспалённый мозг, приходя в сознание на короткое время, пытался мыслить, вспомнить, выжить: Господи, помоги.

* * *

— Натюля, ты куда с ящиком-то пошла? — бабуля немного растерялась, увидев, как я прижимаю ящик к попе и медленно мелкими шажками иду к выходу.

— Я во двор, гулять, Алёна зовёт.

— А ящик с яйцами-то зачем?

— Он теперь всегда со мной будет, тепло должно быть у них постоянно, — ответила я.

Так и провела тот день, высидев яйца, прося друзей иногда посидеть вместо меня, пока я бегала в туалет. Дед, построже, чем бабуля, сначала подшучивал, но, увидев, что с ящиком я расставаться не собираюсь, принял меры:

— Нат, а ты знаешь, что согреет твоих цыплят ещё лучше?

— Неет.

— А вот нужен большой пучок крапивы на яйца-то положить, а уж только потом сверху сесть самой... И только когда он увидел, что мои друзья наносили мне крапивы, а я действительно обложила ей яйца и, подложив удобней подол платья, чтобы не обстрекаться, села сверху, — терпение деда лопнуло. Оттащив меня, ревущую, за ухо от этого ящика, меня разлучили с так и не высиденными куриными яйцами.

* * *

Неделя возвращения себя, памяти, со- бытий.